
Владимир АРРО

БУДНИ ОФЕЛИИ

Пьеса в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гусев, режиссер
Рудик, его помощник
Мальва, актриса-любительница
Муратов, ее муж
Зинаида, подруга Мальвы
Твердохлебов, актер
Клавдий, владелец кафе
Пани Бланка, барменша
Нюша, подавальщица в кафе
Самарий Ильич, аптекарь
Морев, доцент института

Участники студии:

Горацио
Розенкранц
Гильденстерн
Полоний
Лаэрт
Регина
Лорды, леди и офицеры

Действие первое

Кафе в южном русском городе. Просторное помещение с антресолюю, огороженной балюстрадой. Под нею бар с высокими табуретами. На переднем плане и на отшибе, в уютных закутках, несколько столиков. К моменту впуска зрителей в зал кафе уже работает, играет тихая музыка популярной радиостанции, сидят посетители, кто-то входит, кто-то выходит через стеклянную дверь (это могут быть и актеры,

Владимир Константинович Арро родился в 1932 году. Писатель, драматург. Автор 15 книг прозы. В 1976 году стал писать пьесы для театра. Первая — «Высшая мера» — была поставлена в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Большой общественный резонанс в 1982 году вызвал спектакль Московского театра имени В. В. Маяковского по пьесе «Смотрите, кто пришел!». Автор пьес «Колея», «Трагики и комедианты», «Сад», «Пять романсов в старом доме», «Синее небо, а в нем облака». С 1989-го по 1993 год возглавлял Ленинградскую писательскую организацию. Избирался депутатом Ленинградского — Санкт-Петербургского Совета (1990—1993), председателем Комиссии по гласности. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член ПЕН-клуба.

и служащие театра, и рабочие сцены). Барменша ведет тихую беседу с аптекарем, сидящим на высоком стуле возле стойки бара. От стола к столу ходит распорядитель Рудик, вежливо о чем-то напоминая. Официантка Ньюша, заглядывая в блокнотик, делает подсчеты. Все тихо и благочинно, пока не появляется Гусев. Он входит стремительной, по-актерски пластичной походкой «от бедра», вызвав шевеление за некоторыми столиками. Он и слова не сказал, а всё поменялось. Видно, что его ждали. Рудик задвинулся решительнее, барменша прервала беседу. Музыка умолкает. Шипит кофеварка. Гусев, оглядев зал, присаживается за один из столиков, за которым уже кто-то сидит.

Рудик. Уважаемые посетители, а какая погодка сегодня клёвая, вы обратили внимание? Как хорошо пройтись по свежему воздуху! Докушаем и — на бульвар!..

Барменша. Уважаемые посетители, мы таки закрываемся на спецобслуживание. А может, на технический перерыв, я знаю...

Рудик. Благодарим за внимание. Очень было приятно с вами!

Барменша. Приносим свои извинения. А?.. Конечно, откроемся снова. Чтоб я так жила... (Смеется.)

Рудик. Заходите часа через два... Будем ждать с нетерпением.. Ньюша, получите с клиента.

Нюша ходит между столиками, выражая нетерпение и настойчивость. Впрочем, некоторых посетителей она оставляет в покое, и те спокойно продолжают беседу, курят. Барменша управляет ручьями кофеварки, кофеварка урчит, окутывается паром. Гусев беседует со своим визави. В глубине зала кафе ставят скромную черную ширму.

Барменша (возвращаясь к аптекарю). Вы можете смеяться, но я в этот момент, когда Гусев входит, немножко волнуясь. Всегда приятно иметь дело с талантливым человеком. Кое-кто говорит, что он гений.

Аптекарь. Он тоже?

Барменша. А кто еще?

Аптекарь. Все говорят, что Шекспир.

Барменша. А да, это вне обсуждений.

Аптекарь. Я прочитал пьесу «Гамлет».

Барменша. Да? И что?

Аптекарь. Мне пьеса понравилась.

Барменша. Вот как? Я рада.

Аптекарь. Правда, там так много людей умирает, что мне стало смешно. Возможно, что автор на такую мою реакцию не рассчитывал.

Барменша. Скорее всего, нет. Ньюша, отнесите Гусеву его кофе.

Аптекарь. Между прочим, вы заметили, что там все начинается ядом и кончается ядом. Этот Шекспир понимал, что главное в жизни — фармакология.

Нюша с чашкой кофе отходит к Гусеву.

Барменша. Вы — старый циник, Самарий Ильич, вот вы кто.

Аптекарь (пожимая плечами). Не такой уж и старый.

Барменша. Между прочим, обратите внимание, за крайним столиком возле дверей.

Аптекарь. Кто?

Барменша. В сером свитере грубой вязки.

Аптекарь (*оглянувшись*). И что?

Барменша. Муж нашей Офелии.

Аптекарь. Этой милостивой брюнетки, перед которой все распускают хвост?

Барменша. Фи. Старый сплетник.

Аптекарь (*пожимая плечами*). Ну, если вы настаиваете, что старый...

Барменша. Извините. Вот он машет мне. Он такой дружелюбный, положительный... чего ей не хватало?.. (*Отвечает на приветствие.*)

В дверь стучат.

Рудик. Закрыто, закрыто, друзья мои!.. Театр-кафе по регламенту имеет право на репетицию! Через пару часов с новыми силами распахнем и дверь, и наши сердца. Да, да, будем вам рады!..

Барменша. Если хотите знать, она строгих правил. Они в разводе. И вот он берет отпуск и приезжает из Петербурга, чтобы повидаться с ребенком. Ребенок, конечно, целый день с бабушкой и очень любит отца. Отец любит ребенка. Бабушка любит обоих, а точнее сказать, всех троих. Но счастья так и нет.

Аптекарь. Вот это драма, я понимаю. А она кого любит?

Барменша. До сих пор всё в тумане.

Аптекарь. В пьесе написано, что Офелия любит Гамлета.

Барменша. Между трагедией театра и комедией жизни могут быть расхождения, Самарий Ильич, чтоб вы знали. Вот сейчас вы поймете.

Мимо стойки проходит Гусев.

Я могу на одну минуту завладеть вниманием господина режиссера?

Гусев. Вне сомнений, пани Бланка! (*Подходит.*)

Барменша. Познакомьтесь. Это Самарий Ильич. Он аптекарь.

Гусев. Да, конечно. Кто же в нашем городе не знает Самария Ильича. Начиная с подросткового возраста...

Аптекарь (*перебивает*). Как всегда, к вашим услугам.

Барменша. Гусев, скажите, у вас есть проблемы с печенью?

Гусев. К сожалению!.. А что, заметно?

Аптекарь (*вглядываясь в его лицо*). Если я не ошибаюсь, у вас гепатит «А» в начальной стадии.

Гусев. Так вы подтверждаете?

Аптекарь. Таки да.

Барменша. Господин Гусев, это не о вашей ли печени на днях тут убивалась одна молодая особа? Она просила помочь ей достать довольно дефицитное лекарство... С названием, если мне память не изменяет, ревиgidон. Импорт пониженной доступности.

Гусев. Возможно, что-то такое было.

Барменша. Она уши всем прожужжала. Но оказалось, господин Гусев, что ревиgidон такое же средство от печени, как клизма от кашля.

Гусев. Что вы говорите?

Аптекарь. Да, к сожалению. Мы хотели ей объяснить, но она уже с кем-то договорилась и поспешно ушла. Может быть, вы напутали?

Барменша. Нет, Самарий Ильич, он не напутал. Гусев, вы знали, что это средство против зачатия.

Гусев (*смеясь*). Ну, конечно, знал! Это же шутка, пани Бланка!.. В театре шутят. В театре играют!

Барменша. Хорошие шутки! А к ней, между прочим, муж приехал. Что он может подумать, а, Гусев?

Гусев. Это розыгрыш, пани Бланка. И больше ничего. И не берите в голову. Вот увидите, она не обидится. (*Отходит.*)

Барменша (*качает головой*). Ай-яй-яй!.. Поди разберись. А я бы смертельно обиделась. И перестала иметь с ним дело. Будь он хоть трижды гений. Так надсмеяться над девушкой, вы только подумайте...

Аптекарь. Фармакология и шутки вообще, чтоб вы знали, две вещи не совместные.

Нюша (*с антресолей*). Пани Бланка, тут один раздолбай не хочет платить.

Барменша. Чего?

Нюша. Я знаю?.. Говорит, не имеет чем.

Барменша. Нюша, спросите, а что он имеет оставить в залог? Золотые часы он имеет? Или серебряный портсигар?

Нюша. Да ну его! (*Смеется*.) Да-да, сейчас... как же!.. Руки-то уберил!..

За столиком, смеясь во весь белозубый рот, сидит Клиент в линялой курточке, лысый, с трехдневной щетиной.

Он щипается!.. (*Смеется*.)

Барменша. Спросите, что он вообще хочет?

Гусев. Нюша! Иди сюда.

Барменша. Или он хочет вздремнуть на диване?

Нюша, спустившись по лестнице, подходит к Гусеву.

Гусев. Давай счет. (*Берет у нее счет, рассматривает.*) Он что, и вино пил?

Нюша. А то! Два фужера красного.

Гусев. Фужера, Нюша. Держи... (*Расплачивается.*) В следующий раз вина ему не давай.

Нюша (*в сторону Клиента*). И проваливай!

Гусев. Да черт с ним, пусть посидит.

Клиент. Кофе неси... хрюша! (*Хохочет.*)

Нюша. Вот тебе! (*Показывает кукиш.*)

Гусев. Принеси ему кофе. Двойной. Да покрепче.

Барменша (*аптекарю*). Так вот он сидит... Это я о муже Офелии. Ему надо было платить за гостиницу, а вы ж понимаете, какие у него отпускные, я вас умоляю. И тогда — что, как вы думаете?.. Тогда теща, душевная женщина, ставит ему в кухне раскладушку. Можете себе представить, чем это все закончилось?

Аптекарь. Они снова сошлись?

Барменша. Самарий Ильич, я надеялась, что вы более тонкий знаток женской психологии...

Аптекарь. Опять разошлись?

Барменша. Конечно! Офелия собрала рюкзачок и ушла из дома.

Аптекарь. А он?

Барменша. А он взял раскладушку и пришел сюда. Ну, и что, я его выгоню?

Аптекарь. Можно себе представить... Скажите, а роль Клавдия кому выдана?

Барменша. Нашему Петру Кузьмичу, владельцу кафе. Он же и спонсор всего представления! Что вы!.. Такой дефицит!.. А что, Самарий Ильич?

Аптекарь. Да так, ничего.

Гусев. Не вижу Офелии! Рудик, кого еще нет?

Рудик. Кроме Офелии, вся труппа в сборе! (*Участникам.*) Ребята, мигом!.. Освобождаем сценическое пространство!..

Сдвигают столики к стенам.

Барменша. Она таки не придет. И правильно сделает.

Гусев. Рудик, пошла работа над текстом!

Рудик. Внимание! Текст! Осве-жаем!..

Студийцы, стоя в центре зала с тетрадками в руках, замыкаются — каждый в конце своей роли. Глаза их подергиваются поволокой, губы произвольно шевелятся, странный трепет овладевает чертами лица. Кто-то, сделавший выбор, всё для себя решивший, рубит пространство рукой, кто-то машет ею, как большевик на трибуне, иные раскачиваются, нащупывая тайные ритмы сценического поведения.

Аптекарь (*наблюдая студийцев*). Скажите, пожалуйста, совсем как в синагоге.

Пауза. Лишь неясное бормотание.

Рудик. Медитация!..

Костюмы ложатся к ногам исполнителей, они остаются в черных трико, босиком. Возникает скопище ломаных, хрупких, как бы стеклянных звуков, извлекаемых из ксилофона. Позже вступает кларнет.

Студийцы медитируют, каждый в меру своих возможностей и разума. Все находится во власти произвольных движений, вызванных нервной судорогой, или лукавством, или воображением. Продвинутые движутся в полном забытьи, как сомнамбулы. Слышны бормотания, всхлипы, вскрики, рыдания. Новички им подражают. Подвальщица Нюша, наблюдая всё это, раздражается смехом — раз, второй... Рудик на нее шикает.

В конце медитация подчинена строгому ритму, чередованиям силы звука, приливам, отливам, и становится похожей на общий танцеобразный ритуал. (Продвинутый автор подцепил это на медитации в театральной студии Токийского университета «Васэда». Они, кстати, уверяли, что так начинать репетицию завещал Станиславский.)

Гусев. Камертон!

И вот звучит голос Джона Гилгуда в роли Гамлета (или в иной шекспировской роли). (Тут автор не выступает в роли глашатая нового, а глубоко ретрограден. Странное дело, в Ленинграде 60-х годов, по сю сторону глухого «железного занавеса», в кинозале Дворца культуры промкооперации по утрам демонстрировались иностранные фильмы без перевода в помощь гражданам, изучающим иностранный язык. Языка я не изучал, но к зарубежному кино питал пристрастие. Так довелось увидеть Гамлета с Джоном Гилгудом, голос которого до сих пор стоит у меня в ушах.)

Студийцы тем временем одеваются.

Гусев. Осветители?

Голоса. Здесь! Здесь!..

Барменша. А ее таки нет. *(Качает головой.)*

Гусев. Ставим свет первой сцены. *(Подходит к аптекарю, негромко.)* Господин Шварцман, можно ваш плащ ненадолго?

Аптекарь. Мой мантель? Я прихватил его, поскольку вечерами прохладно... Да-да, одалживайтесь!

Гусев. Благодарю.

Барменша. Гусев, я не согласна с вами. Вы не обидитесь? Вы же знаете, я всегда говорю то, что думаю. Пусть будет немного бархата, кружев, всяких там тюрлюлю, я знаю... Для глаза же приятно. Дайте уже отдохнуть людям, так всё надоело...

Гусев *(смотрит на плащ)*. Вы совершенно правы, пани Бланка. Но пока бархата нет, вы позволите плащ?

Барменша. А что делать? Вся жизнь прошла под присказку: сойдет и так.

Гусев. Спасибо.

Гусев становится посреди зала лицом к стене. Голос Гилгуда стихает.

Пошла фонограмма!

Звучит Прелюдия Баха, гаснет все освещение, в темноте возникает луч света, который проецирует на стену огромную тень Гусева в накинutom на голову плаще.

Крупнее!.. Еще... Чуть-чуть не в фокус... пусть будет размыто... Вот так хорошо.

Тень движется.

Веди меня, веди... ме-едленно... вот та-ак...

Гусев делает несколько шагов и останавливается.

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

С антресолей доносится голос Клиента, новизна которого привлекает внимание всех участников студии.

Голос. Так слушай.

Гусев. Я готов.

Голос. Уж близок час мой,

Когда в мучительный и серный пламень

Вернуться должен я.

Гусев. О бедный призрак!

Голос. Нет, не жалея меня, но своей душой

Внимай мне.

Гусев. Говори, я буду слушать.

Голос. И должен отомстить, когда услышишь.

Гусев. Что?

Голос. Я дух, я твой отец,

Приговоренный по ночам скитаться,

А днем томиться посреди огня,

Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла... *(Здесь и далее перевод Б. Пастернака.)*
Гусев. Ну, и так далее... *(Наверх.)* Спасибо, Олег! Свет в зал!

Аплудисменты. Дольше всех хлопает Ньюша. Барменша с аптекарем тоже хлопают.

Барменша. Но вы не думайте, Гусев — не Гамлет. Почему-то он считает себя дублером. А настоящего Гамлета, так чтоб принц датский, царских кровей, пока еще нет. Говорит, что он нам скоро представит. Я только не знаю, где он его возьмет. Принцы на улице не валяются. До областного смотра осталось два месяца. Но, похоже, мы остались и без Офелии. *(Сама с собой.)* А что, мне больше всех надо? Остались и остались...

Возвращается обычное освещение. Но на прежних местах уже не просто посетители кафе, а участники спектакля, принаряженные, как им кажется, по моде эпохи принца датского.

На антресолях — король Клавдий, он же спонсор спектакля и хозяин кафе, с которым до этого беседовал Гусев. У него роскошная шевелюра до плеч, королевская осанка. Нет, он не типичный бизнесмен, он «новый русский», но с «чертовщиной». На лестнице Полоний и Лаэрт. Внизу — Горацио, Розенкранц и Гильденстерн, а также всевозможные лорды, леди и офицеры.

А за стойкой бара, скромно потупясь, стоит не барменша, а королева Гертруда в мантии и в короне. Лишь Аптекарь, Ньюша и Клиент на антресолях остались в своих костюмах. Клиент, облокотившись на перила, молча наблюдает за тем, что делается внизу. Гусев, возвращая плащ аптекарю, замирает перед Гертрудой.

Гусев. Та-ак... Восхитительно.
Барменша. Из гардероба мадам Червонной.
Гусев. Ваше величество, я поражен. *(Делает ей придворный поклон.)*

Аптекарь с немым изумлением смотрит на королеву, а затем, прихватив свой плащ, начинает пятиться к выходу.

Барменша *(величественно)*. Самарий Ильич, останьтесь.

Аптекарь кивает и возвращается на свой табурет. Гусев обходит медленно артистов в сопровождении Ньюши.

Гусев. Ну, и принарядились... Розенкранц, это что?
Розенкранц. Плюмаж.
Гусев. Ньюша, что это?
Ньюша *(пожимая плечами)*. Я знаю?.. Петушиный хвост какой-то..
Гусев. Вот видишь, Ньюша не верит. И я не верю. Ньюша у меня будет как Станиславский. *(Двигаясь дальше.)* Гильденстерн... Это?..
Гильденстерн. Камзол такой. Так написано.
Гусев. Веришь?
Ньюша. Еще чего!
Гусев. Не верит. Рудик, возьми на заметку. Ньюша Гильденстерну не верит. Дальше!.. *(Поднимаясь по лестнице.)* Очаровательно! Каков Лаэрт! И шпагу достал. Молодцом. Ему поверим.

Лаэрт. Рад стараться!

Гусев (Полонию). А это кто?.. Да вас и не узнать, товарищ Полоний!

Полоний. Стараемся!

Гусев (входит на антресоли. Оглядев Клавдия, закрывает лицо ладонями). Ваше величество! Глаза слепнут! Буйство фантазии. Кто бы мог подумать! Откуда?..

Король (скромно потупившись). Были кое-какие резервы. В каптерке секции фехтования покопались...

Гусев (Нюше). Как?

Нюша. Умереть-уснуть.

Аптекарь. Вот этот биндюжник-першерон будет играть короля?

Барменша. Да. А что вас так волнует?

Аптекарь. Тихий ужас.

Барменша. Но он выставил такое условие. Теперь у нас так: у кого деньги, тот и король.

Гусев. Ваше величество, вы представляете, если бы я включил в смету нашего представления костюмы эпохи, сколько понадобилось бы бархата, сколько парчи, шелка, батиста... А поддельные драгоценности! А дорогие сердцу каждого простака аксессуары и прочий реквизит. Да-а, вам пришлось бы раскошелиться. Я же прошу у вас как генерального спонсора, если хотите, продюсера проекта всего лишь тридцать метров благородного черного бархата для ширм. Это что, вас разорит? Или вы хотите удивить жюри конкурса черной бумагой?

Клавдий. Да, но... я несу большие убытки...

Гусев. Вы отказываетесь от престола?..

Клавдий (испугавшись). Нет!.. Я не в этом смысле... (Достает калькулятор, что-то бубнит. Гусев отходит.)

Аптекарь. Но как вас угораздило стать королевой?

Барменша. А я знаю? Он предложил, и я согласилась. Какая бы женщина устояла, вы можете мне сказать? Немного побуду, какая разница... За те же деньги. Тем более что играть будет прима из областного театра мадам Червонная — вы ее знаете.

Аптекарь. Кто же ее не знает.

Барменша. Ну, вот. А я королева на черный день.

Гусев (опершись о балюстраду). Милостивые дамы и государи! Благодарю вас, вы очень старались. Подавальщица Нюша при виде вас пришла в неопишувемый восторг, то есть чуть не уписалась...

Нюша. Гусев, полúчите!.. (Замахивается.)

Гусев (уворачиваясь). Пардон, мадемузель!.. (Всем.) Ваши наряды еще больше пришили бы по вкусу обитателям областной психиатрической больницы. Розенкранц, продемонстрируйте ваш плюмаж. За что вы обесчестили соседского петуха?.. Вы что, не могли догнать страуса?.. О боже. (Спускаясь вниз, на ходу.) Единственная моя надежда на то, что вы не хуже английских матросов шхуны «Дракон». Когда после многодневного плавания, достигнув берегов Африки, капитан увидел, как от распущенности, безделья и пьянки погибает его команда, он принял решение ставить «Гамлета». И матросы разыграли его на палубе своего корабля за здорово живешь!

Барменша. Что вы говорите!..

Гусев (внизу). Да-да! Можете мне поверить! А мы что с вами — глупее? Или бес-таланнее? Или пить не умеем? Разыграем не хуже. Нюша, веришь?

Нюша. Верю!

Гусев. Вот и я не сомневаюсь. А теперь я вам наконец представлю человека, который сыграет принца Гамлета. Одну минуточку!..

Гусев отходит к мужу Офелии Муратову.

Барменша (в смятении). Как?.. Это Муратов?.. (Переглядывается с аптекарем, тот пожимает плечами.)

После недолгих объяснений Муратов снимает с себя свой свитер и отдает его Гусеву.

(Муратову.) Благодарю вас, сэръ!.. Итак, прошу любить и жаловать, — Гамлет, принц датский! (Подбрасывает скомканный свитер до балюстрады.)

Безмянный Клиент, лысый и с многодневной щетиной, тот, что препирался с Ньюшей, выпрямился, уже в свитере, у балюстрады, улыбнулся — рот до ушей — и помахал рукой. По залу пронесся вздох разочарования. Повисла пауза.

Гусев. Что, не нравится?.. А вы думали какой? Кудрявый? Да?.. Прекрасно-задумчивый? В берете со страусиными перьями? В белых чулках? Читали вы, черт возьми, Шекспира или нет? Камзол Гамлета был порван, чулки спущены до щиколоток и в пятнах, выражение лица дико! Он был дебошир и сквернослов. Недаром помирали со смеху матросы, подмастерья и извозчики.

Рудик *(страсно)*. А с матерью? С Офелией как обращался? Как с потаскухами. Да он просто подонок!

Гусев. У вас дома не так?

Рудик. Не так.

Гусев. Ну, хорошо. Только не выступайте... Я буду говорить. Итак, Олег Твердохлебов, новый член нашей команды, можно сказать с уверенностью — в будущем ее лидер. Мы вместе учились в Москве. У нас есть кое-какие совместные достижения. Были и ошибки, разумеется... Но поражения от победы ты сам не должен отличать. Так ведь, Олег? Мы и не отличаем. А?..

Твердохлебов. Нет-нет. Всё перепуталось. Пораже-побе-пораже!..

Гусев. И снова «побе»!.. Что касается музыки, то монолог «быть или не быть» он исполняет под гитару, как в восемнадцатом веке, когда его превратили в романс. Гитары не было, разумеется в Дании в интересующее нас время, но были струнные — щипковые и смычковые — лира, рота, фидла... Какая-то тагельхарпа, черт бы ее задрал. Ну, будем считать, что гитара им всем наследует. Так что с появлением Твердохлебова у нас есть твердый шанс взять первенство на областном конкурсе в нашей номинации и показаться в Москве. Я ждал его, пока нянькался с вами, ждал в полной уверенности, что... Кстати, Твердохлебов, могу я сказать, где ты ошивался последние два года, пока я тебя ждал?..

Твердохлебов. Ради бога!

Гусев. Он работал над ролью. Над ролью, заметили?.. Но в тюрьме.

Общий вздох удивления.

Барменша. Хорошенькое дело.

Гусев. Да-да!.. Идеальные условия для работы над ролью, как я понимаю! Но не рекомендую!.. Он был настолько самодостаточен, настолько погружен в роль, что не нуждался в партнере. Он сам себе был партнером. Так, Твердохлебов?

Горацио. А на шпагах он тоже дрался сам с собой?

Гусев. А это мы сейчас проверим. *(Выдергивает шпагу из ножен Розенкранца и посылает ее вверх, Твердохлебову. Тот ловит и спускается по лестнице вниз.)*

Гильденстерн передает свою шпагу Гусеву. Противники сходятся. Идет бой на шпагах по всем правилам театрального искусства, сопровождаемый возгласами студийцев и визгом Ньюши в самых рискованных местах. В итоге Твердохлебов выбивает шпагу у Гусева. Ньюша страстно вцепляется и осматривает руку Гусева в надежде обнаружить ранение и залечить его.

Гусев. Цел, цел!.. Спасибо, Ньюша, довольно. Мы видим, что этот вид искусства партнера все-таки предполагает. Так, Твердохлебов? Хотя на это соглашался, вероятно, не всякий сосед по камере. А может быть, вертухай?

Твердохлебов. Ну, ладно заливать... Какая камера? На поселении я жил. *(Поднимается на антресоли.)*

Гусев. Да, да, конечно, на поселении! Не так уж много за ним и числилось. Удар, превышающий пределы самообороны.

Твердохлебов. И хватит об этом!

Гусев. Ну, ладно. Не сердись, Олег! Труппа в шоке. Он вам расскажет еще. Его опыт бесценен для актера.

Рудик. Вы хотите сказать, уголовный опыт?

Гусев. Рудик, вы талмудист и начетчик, как говорили в дни моей молодости... Много вы поняли. Гамлет был трагический мыслитель. И жил тоже, кстати, в тюрьме. Под названием Дания. И был аристократ духа. И глубоко порядочный человек. Таков и Олег Твердохлебов. У вас будет уйма поводов в этом убедиться. И только обстоятельства, сложившиеся в Эльсиноре...

Твердохлебов *(перебывает, негромко и буднично)*. Последнее время — а почему, я и сам не знаю — я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия, и действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем, — все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. *(В руках у него оказывается гитара, тихонько наигрывая, он спускается вниз. Обходит участников спектакля, останавливаясь то перед одним, то перед другим.)* Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!

В это время в кафе появляется Мальва, застывает возле стеклянной двери. За спиной у нее рюкзачок.

А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна... *(Обращаясь к Мальве.)* ... хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Мальва. Да!

Пауза. Участники спектакля превращаются в обычных зрителей, зачарованных наступившей их импровизацией. Внезапно роль у Твердохлебова, выразительно на него посмотрев, перенимает Гусев.

Гамлет. Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Все, чем я грешен, помяни.

О ф е л и я . Мой принц,

Как поживали вы все эти дни?

Г а м л е т . Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.

О ф е л и я . Принц, у меня от вас подарки есть;

Я вам давно их возвратить хотела;

Примите их, я вас прошу.

Г а м л е т . Я? Нет;

Я не дарил вам ничего.

О ф е л и я . Нет, принц мой, вы дарили; и слова,

Дышавшие так сладко, что вдвойне

Был ценен дар, — их аромат исчез.

Возьмите же; подарок нам немил,

Когда разлюбит тот, кто подарил.

Вот, принц. *(Передает аптечную упаковку.)*

Г у с е в *(с церемонной улыбкой)*. Прости меня, Офелия, прости!.. *(Падает на колени.)*

М а л ь в а *(пожимает плечами)*. Да?.. Не знаю, что мне делать.

Пауза.

Б а р м е н ш а *(громко)*. Ну, пусть она простит!

М а л ь в а . Офелия прощает вас. А Мальва — нет!

Б а р м е н ш а . Правильно, правильно!.. Гусев, это справедливо.

Все бурно аплодируют. Возгласы восхищения, среди них — Ньюшин: «Верю! Верю! Верю!» Короткое затемнение.

Кафе снова открыто для публики. С улицы время от времени кто-то заходит. Надо ли говорить, что лучшие столики заняты студийцами. Нет недостатка клиентов и за стойкой бара. Вскоре на галерею поднимутся Гусев и Твердохлебов и займут столик у балюстрады, в стороне от всех.

За столиком Мальвы Зинаида.

З и н а и д а . И это у вас Дания, не пойми какой век?..

М а л ь в а . Всё условно, Зина... Кстати, Гусев говорит, что «Гамлета» каждая эпоха играла по-своему. И всегда достоверно.

З и н а и д а . Да. Гусев для меня в этой аванюре самая загадочная фигура.

М а л ь в а . Ну, Гусев... Ему дано от Бога. Он по-своему гениален. Сколько придумано — это же фейерверк. Я даже вижу иногда, до чего ему скучно с нами.

З и н а и д а . Ну, с тобой всё ясно... Для него лично от итогов конкурса много зависит?

М а л ь в а . Да почти всё.

З и н а и д а . Значит, он скоро может сделать вам ручкой. Вон как твой Муратов мне делает.

Из своего угла ей, улыбаясь, машет Муратов.

М а л ь в а . Вполне вероятно.

З и н а и д а . Но это же вам невыгодно.

Мальва. Что, вытолкнуть на поверхность Гусева? Да, по-моему, мы всё должны для этого сделать.

Зинаида. Ну, Мальва, ты неисправимая альтруистка.

Мальва. А я люблю одержимых.

Зинаида. Я вижу. *(Отвечает на приветственный жест Муратова.)* Не подойду. Перебьется.

У стойки Барменша и девушка.

Барменша. Рудик, можно тебя?

Рудик подходит.

Рудик, это Регина. *(О девушке, сидящей за стойкой.)* Скромная интеллигентная особа. Не замужем. Ты же видишь. Рудик, пусть она будет в студии.

Рудик. Но у нас больше нет свободных ролей.

Барменша. Ей не нужна роль, я тебя умоляю. Тебе нужна роль?

Регина *(кокетливо)*. Смотря какая.

Рудик. Нету никакой. В пьесе вообще дефицит женских ролей, вы же знаете.

Регина. И у вас дефицит, подумать только...

Барменша. Хорошо, толпа там есть?

Рудик. Есть.

Барменша. Вот пусть она побудет в толпе. У нее дома неважные жилищные условия.

Рудик. Пойдемте.

Регина. А как я буду одета?

Рудик. Никак! В купальном костюме.

Регина. А мне что тут играть?

Рудик. Ящерицу! Рептилию!

Регина. Нет, кроме шуток!

Рудик. Гадюку, готовую ужалить!

Регина. Ну, прекрати! У меня каскад хорошо получается.

Рудик. Какой каскад?

Регина. А вот этот. *(Показывает опереточный «каскад», который лучше всех исполняла когда-то незабвенная Гликерия Васильевна Богданова-Чеснокова.)*

За столиками шум, смех, кто-то хлопает.

Гусев *(смеется)*. Пусть остается! Мало ли что... как дело повернет.

Рудик *(его передергивает)*. Оставайтесь, черт с вами. *(Отходит.)*

Рудик подсаживается к столику Гусева.

Рудик. Идут и идут!.. Я говорю: вы знаете, что здесь вы будете нужны весь, целиком. Это схи́ма. Это как масонская ложа. Да-да. Мы понимаем. Гусев, может быть, довольно массовки?

Гусев. Пусть пока пробуют. Перенастраиваются. Будет кастинг. Отберем.

Рудик. А тут один чувак вообще меня уморил. Я спрашиваю: чем занимаетесь? Он говорит: земные недра. Я говорю: вы геолог? Копаю, говорит, но неглубоко. Где,

спрашиваю, работаете? В тресте, говорит. Ну, а что производите-то? Слышишь, Гусев. Могилки! — отвечает. Могилки!.. (Смеется.)

Гусев. Натуральный могильщик? Отлично! Пусть приходит с напарником!
Рудик. Я так и сказал.

За столиком Мальва и Зинаида.

Зинаида. Ну, в общем с бывшим мужем понятно, обратно ты его не возьмешь.

Мальва (вздыхает). Нет... Понимаешь, Муратов хороший, ты знаешь. Искренний. Но он же пресный, Зина!.. Совсем несоленый. Одни и те же примочки, еще наши школьные, эти гитарные излияния — «солнышко мое», два-три стишка, ну, не могу я так!.. Он в ступоре, в нем как будто что-то известкуется и навеки затвердевает.

Зинаида. Ну, ты даешь. Он же молод.

Мальва. Нет, это на всю жизнь, я знаю этот тип: все, что в нем есть, то и будет. Они не меняются.

Зинаида. Сурова ты, подруга.

Мальва. Да, наверное. Если бы не развод, может, я бы и потерпела ради Славика, а так...

Зинаида. Что?

Мальва. Кажется, что судьба дает еще один шанс.

Зинаида. Он имеет имя?

Мальва. Еще не знаю.

Зинаида. А я знаю одно хорошее имя. Сказать?.. Оглянись на стойку...

Мальва (оборачивается). А, ну, понятно...

Зинаида. Арсен Леопольдович Морев. Опять спрашивал. Почему, говорит, ваша подруга зачет не идет сдавать. Кстати, ты собираешься?

Мальва. Ай, мне как-то всё равно...

Зинаида. Что?.. И доцент?

Мальва. Да.

Зинаида. Но почему, Мальва? Недурен собой. Одинок. Блестящий насмешливый ум.

Мальва. Они ни во что не верят, эти насмешники. А я без веры не могу.

Зинаида. Во что?

Мальва. Не знаю... Вообще без веры.

Пауза.

Зинаида. Ты бы подошла.

Мальва. Да?.. Надо?..

Зинаида. По законам вежливости...

Мальва. Хорошо, пойду. (Мальва встает и отходит к стойке.)

За стойкой доцент и Мальва.

Доцент. А-а, какая встреча!.. Вообще Магомет не должен идти к горе... Но если вы подошли...

Мальва. Добрый вечер, Арсен Леопольдович.

Доцент. Добрый. (Барменше.) Рюмку ликера, пожалуйста!

Мальва. Это вы для меня?..

Доцент *(делает успокаивающий жест)*. Ни о чем не спрашиваю. Верю, что всё читали. Обо всём думали. Кто еще на курсе так знает поэзию?

Мальва. Мне неловко перед вами, Арсен Леопольдович... Я столько пропустила.

Доцент. Ладно, ладно, давайте зачетку... *(Расписывается в зачетной книжке, которую Мальва тут же убирает в карман рюкзака.)* Теперь вот что, Офелия. Нет, мне больше нравится Мальва. Давайте выпьем по глотку. День рождения у всех бывает, у доцентов тоже.

Мальва. Да?.. Я вас поздравляю.

Доцент. Спасибо.

Чокаются и пьют.

Как вы смотрите на такую перспективу: берем такси и едем ко мне. Там сидит у меня одна компания, я, по сути дела, за вами.

Мальва. Но у меня же репетиция.

Доцент. Как, вот это — всерьез?..

Мальва. Да.

Доцент. Не ожидал.

Мальва. Почему?

Доцент. Не знаю, но... Вот это содержание жизни?..

Мальва. Арсений Леопольдович, не надо, а?

Доцент. Что?.. А, да... Пардон, мадам... пардон!.. Конечно, не надо. Не мое это дело. *(Пауза.)* Что, совсем не надо?

Мальва. Совсем.

Пауза.

Доцент. Что ж... Камин затоплю!.. Буду пить... *(Встает, разводит руками.)* Хорошо бы собаку купить. Кто автор, кстати?

Мальва. Бунин, естественно.

Доцент. Похвально, похвально!.. *(Провожает Мальву до ее столика, где сидит Зинаида.)* Хорошего вечера!.. Но институт не оставляйте, Офелия! Гамлет настигнет и бросит. А образование останется. Захаживайте!.. *(Кланяется обеим и уходит.)*

У дверей Гусев заступает ему дорогу.

Гусев. Господин Морев! Здравствуйте!.

Доцент. К сожалению, и до свидания. Я ухожу.

Гусев. Что ж так мало гостили? Не желаете ли попробовать нашего ремесла? Может быть, ценные советы дадите.

Доцент. Ну, что вы... А вы — берете прямо с улицы... и в Эльсинор?

Гусев. Что ж в этом странного. Жизнь и есть Эльсинор.

Доцент. Да? Такая концепция?.. Похвально.

Гусев. Ну, так как?

Доцент. Если честно, никогда не верил в любительский театр.

Гусев. Мы не театр. Мы — театр-кафе. Мы — студия. Пробуем. *(Улыбается.)* Дерзаем. Вскрываем творческие потенциалы. Кстати, у вас неплохие данные. Красивый тембр. И вот эти... шипящие... Я слышал ваше чтение Пастернака. Мы могли бы с вами подготовить концертную программу для областной филармонии.

Доцент. Даже так? Спасибо. Боюсь, не в коня корм!.. Адь!.. (*Уходит.*)

За столиком.

Зинаида. Какой-то он печальный ушел в свой день рождения.

Мальва. А что я могла сделать?..

Пауза.

Зинаида. Но ведь вас что-то связывает.

Мальва. Ничего нас не связывает!.. Пару раз провожал... Попытался поцеловать... (*Вдруг горячо.*) Зинка! А чего им от меня надо? Тщедушная! Грудь — в зачатке! А?.. Бёдра едва намечены...

Зинаида. Кто тебе сказал? Ну, кто?.. Ты божественно сложена. Кое-какая субтильность имеет место, но это ведь так пикантно!.. Просто Бог создавал тебя с преувеличенным чувством меры... Слу-шай!.. Неужели Гусев? Да?.. Он? Так я и знала.

Мальва. Что ты знала?

Зинаида. Разве может артистка не влюбиться в своего режиссера. А он разве может не унижить ее, не подмять под себя... Какая пошлость.

Мальва. Ты не так поняла.

Зинаида. Как могла.

Мальва. Ты толкуешь по-своему, как привыкла. Влюблена, влюблена... А если не влюблена?..

Зинаида. А как?

Мальва. Почитаю как бесконечно творческую личность. Преклоняюсь перед фанатизмом, бескорыстной отдачей...

Зинаида. Не хватает только боготворю.

Мальва. Да нет, Зинка... Всё это слова. Жалею его. Горит на работе. Зачем? Во-круг толпа идиотов. Фанатично верит, что из каждого можно вытащить серебряную струну творчества и заставить звучать. И они ему верят, идут за ним в ущерб своим житейским удобствам и выгодам. И я иду!.. И я верю!.. И жалею его...

Пауза.

Зинаида. Дура ты, дура. Жалею всегда и означало люблю... (*Пауза.*) Ох, не жалую я Гусева. Не верю ему. Но что с тобой поделаешь.

Мальва. Понимаешь, зашла тут на днях, попросил сварить ему кашу. Лежит один, печень схватило, кругом кавардак, ну, знаешь, как бывает у холостяка... Прибрала, помыла посуду... Кашу сварила. Овсянку...

Зинаида. И — пожалела?

Мальва. Ну да, пожалела... Тогда он это и сказал. Ну что, говорит, в тебе такого... а так нужна!..

Пауза.

Зинаида. Хорошо сказал, сволочь. А потом предал?

Мальва. Да.

Зинаида (после паузы). Какая ты дура! (Встает.) Пошла. Через двадцать минут урок. (Целует ее и уходит.)

К столику Гусева подходят Розенкранц с Гильденстерном.

Розенкранц. Гусев, у нас такая идея: отрастить усы.

Гусев. Да хоть бороды. Всё равно все будут в масках.

Рудик. Вы слышите, все будут в масках!

Гильденстерн. А почему?

Гусев. А куда ты спрячешь протокольное выражение своей физиономии? Оно у тебя знаешь какое? (Подавальщице.) Ньюша, покажи!..

Ньюша показывает. Общий смех.

Гусев (о Розенкранце). А у него?

Ньюша показывает. Общий хохот.

Розенкранц (обиженно). А что, матросов набирали в палате лордов?

Гусев. Нет, конечно. Но дело не в этом. Я пошутил. Это концептуально. Потому что «Гамлет» — трагедия масок. И лишь двое не спрячут лиц — он и Офелия.

Гусев подсаживается к Мальве.

Гусев. Тебе спасибо, что приняла розыгрыш. Слышите, студийцы! Всех касается. Больше импровизируйте! Играйте хеппенинг, перформанс! Живые картины!

Мальва. И все-таки, Гусев, ты негодай.

Гусев. Так ставишь вопрос? Что ж... ловлю себя на том, что раскаиваюсь. Но раз не простила... Ну, тогда пусть мой розыгрыш будет в счет форы, которую я тебе дал.

Мальва. Какой форы?

Гусев. Строго говоря, я не должен был назначать тебя на Офелию.

Мальва. Почему?

Гусев. А то ты не знаешь. Для этой роли ты недоразвитая.

Мальва. В каком смысле?

Гусев. В том самом. Чувственно зажатая. Не сексапильная.

Мальва. А... да, с этим плохо. А то ты не знал.

Гусев (заслонившись ладонью, шепотом). Но почему тебя все хотят? А? Начиная с меня?.. (Смеется.)

Мальва. Ну, не паразит ли?! (Кидает в него что-то со своей тарелки.)

Гусев. Нет, в самом деле. Доцент Морев из пединститута. Чего он тут ошивался?

Мальва. Это насчет зачета.

Гусев: Ты ж понимаешь!.. Да у него на лбу написано, что он вожделеет.

Мальва. Не твое дело!

Гусев. Ты романтическая дуреха. Ничего не смыслишь в Офелии. Ты должна быть уличной девкой, грубой и чувственной.

Мальва. Да, но я думаю...

Гусев. О чем — меня не интересует! Твоя голова пуста, и это меня устраивает.

Мальва. Но у меня есть душа.

Гусев. Нет! Забудь. Ты инструмент в моих руках. Мне нужны твоя пластика, мимика, интонация и тембр твоего голоса, музыкальность, чувство ритма и чувство меры. И, черт возьми, сексапильность!.. Ну, на нет и суда нет. Ни о чем не думай и, упаси тебя Бог, не переживай. Ты нужна мне без сознания.

Мальва пристально смотрит на него. Пауза.

Не понимаешь?.. *(Не выдерживает ее взгляда.)* Ты чего?

Мальва. Ничего.

Гусев. Ты слышала, что я сказал?

Мальва. Нет.

Гусев. Почему?

Мальва *(после паузы)*. Ты мне мешаешь...

Гусев *(смутившись)*. Я говорю: мне нужно твое подсознание.

Пауза.

Мальва. Как это, Гусев?

Гусев. Это как желание, когда оно закипает там где-то и его ничем не унять. Отпусти его, перестань болтать, перестань думать, раскрой его, ну?.. *(Кричит.)* Отвори, черт возьми!..

Пауза. Публика в кафе замерла, ожидая исхода.

Мальва *(поникая)*. Хочешь, я покажу тебе сцену безумия?

Гусев. Рано. *(Встает.)* Накапливай. Я всё равно разбуду тебя, вот увидишь. *(Отходит.)*

Стойка бара.

Барменша. Я смотрю, вы тоже увлеклись нашим делом.

Аптекарь. Мне интересно узнать, что у вас из этого выйдет.

Барменша. Выйдет то, что завещал господин Шекспир.

Аптекарь. Да, я знаю финал. Упаси Бог вас от такого финала!.. Но мне всё время кажется, что могут быть неожиданности.

Барменша. Хуже, чем он завещал, быть не может.

Аптекарь. Кто знает.

Барменша. Вы просто пуганый старый еврей, вот вы кто.

Аптекарь. Этого не отнимешь!.. Еврей. Пуганый. Но, повторяю, не старый.

Смеются.

Гусев *(подходя)*. Вялые, вялые, вялые!..

Барменша. Кто, господин Гусев?

Гусев. Все! А у нас в двадцать два начинается сцена мышеловки.

Аптекарь. Есть десяток антидепрессантов, которые мы отпускаем без рецепта, хотите, я назову?.. Повышают тонус.

Гусев. Нет, дело не в этом. Нужен эмоциональный удар. Их надо встряхнуть, вздернуть, взнуздать, черт возьми!.. Я хочу с вами посоветоваться, пани Бланка, вы не против? (*Аптекарью.*) Извините!

Барменша и Гусев отходят в сторону.

Аптекарь. Я покамест откланяюсь. (*Уходит.*)

Муратов ставит раскладушку возле своего столика и укладывается на ней. Аптекарь останавливается возле Муратова.

Аптекарь. Молодой человек, не сочтите за бесцеремонность. Из самых дружественных побуждений мужской солидарности хочу поделиться с вами своим наблюдением. Сердце Офелии на данную минуту свободно. У вас нет соперников. Вам не стоит отчаиваться. Я бы на вашем месте продолжил борьбу. Но более мобильным способом, чем этот. Мое почтение. (*Уходит.*)

Муратов некоторое время оторопело полулежит на раскладушке, а затем удобно сворачивается калачиком.

Стойка бара.

Барменша. Я попрошу всех внимания.
Рудик. Алё! Делаем глубокий вдох... и замираем.
Барменша. Рудик, нам не до шуток. У нас происшествие.

Все понемногу притихли.

Пропали деньги.

Рудик. Всем оставаться на своих местах.

Голоса. Что за черт! Где?.. Откуда?.. Много денег?..

Горацио. О злодеяние! — Эй, закройте двери! Предательство! Сыскать!

Рудик. Да, Горацио, блокируйте дверь. Никого не впускайте и не выпускайте.

Барменша. Дневная выручка. Рассортирована, упакована, приготовлена для инкассатора.

Розенкранц. Тут этот... старик только что вышел...

Рудик. Аптекарь?

Розенкранц. Ну... Тусовался возле раздачи...

Барменша. Если вы имеете в виду Самария Ильича, то я бы советовала больше мне на глаза не являться! (*Гневно.*) И духу вашего смердящего чтобы возле меня не было!..

Рудик. Нет, Самарий Ильич вне игры!

Горацио (*от двери*). Тут этот... Гамлет ломится.

Рудик. А вот этого впустите.

Впускают Твердохлебова. Он, сопровождаемый взглядами, поднимается на антресоль.

Гусев. Ну?.. Что скажете?

Голоса. У нас этого не было... Разве было, пани Бланка?

Барменша. Не было.

Гусев. Заладили: не было, не было!.. Когда это случилось?

Барменша. В пределах минут двадцати, четверти часа...

Гусев. Вызывать полицию?

Голоса. Вызывать!.. У нас этого не было. Не-ет!.. Бутылку, бывало, махнут, а выручку... Не-ет... У нас не бывало такого. *(Смотрят на антресоль.)*

Нюша приносит Твердохлебову еду и выпивку на подносе.

Нюша *(вниз)*. Я не верю вам! Вы все врете, врете!.. А он не врет. Отвяжитесь от него! *(Садится в ногах у Твердохлебова, всех награждая презрением.)*

Твердохлебов. Спасибо, ласочка. *(Выпивает и ест.)*

Гнетущая пауза.

Барменша *(упавшим голосом)*. Я дико прошу извинения. Деньги нашлись. Я виновата... *(Пауза.)* Пятнадцать минут технический перерыв. Вот выручка в ридикюле. Рудик, можете взять на свое попечение, покуда я посещу туалет?

Рудик. Разумеется, пани Бланка, будьте спокойны. Мы все покараулим.

Пани Бланка достает чистое полотенце, всхлипывает, долго сдерживается и наконец, закрыв лицо полотенцем, рыдает. Поспешно уходит. Человека три застывают у кассового аппарата, как в почетном карауле.

Гусев. Вы — бездари, толпа идиотов! Это эксперимент! Это модель нашего душевного состояния! Совершенно преступление. Верить или не верить? Быть или не быть? Пигмеи! Ничтожества! Задели дружескую привязанность пани Бланки! Стыд какой!.. Подумали на Твердохлебова, чтобы мозги свои чадающие не затруднять. Как же, уголовное прошлое... Прямая дорога... Ваши мозги работают как желудок собаки Павлова. По первой сигнальной системе. Откликаются на лампу. А то, что он мой друг... А то, что его здесь не было в последние минут сорок... Кто подумал на Твердохлебова, подымите руки.

Рук никто не поднимает.

Врете, все подумали! Вот и полиция наша такая... *(Уходит на антресоль. Всем, вниз.)* Идите по домам, ребята, делайте своих близких счастливыми. Не теряйте времени, зарабатывайте. Разбирайтесь со своими проблемами, зачем вам мировые? Все равно ни хрена не поймете, только запутаетесь. *(Подсаживается к Твердохлебову.)*

Все снова расходятся по столикам, разнося с собой главные сенсации дня и продолжая их обсуждать. Возвращается пани Бланка посвежевшая, но все же угнетенная. Достает косметичку и делает умеренный макияж, в основном с помощью пудры. А затем приступает к обычным делам. Тем временем на антресоли вызревает новая сенсация, известная пока лишь двоим.

На антресоли.

Гусев *(вниз)*. Пани Бланка, простите меня, нечестивого... *(Пауза.)* Ну?.. Простите?.. Барменша. Бог простит.

Пауза.

Гусев. Мальва! Поднимись, пожалуйста.

Мальва легко взбегает на антресоль.

Садись. Есть новость. Твердохлебов принес. Она пока для нас троих. Осилишь?

Мальва. Ну, если доверяете, то, значит, у меня нет другого выхода. Осилю.

Гусев. Я уже говорил вам о печальной участи всех партнеров в творчестве артиста Твердохлебова. Вы настолько ему надоели, что он вас аннигилировал. Точнее сказать — поглотил. Выучил все ваши роли. Получился моноспектакль. Он и жнец, и швец, и на дуде игрец.

Мальва. Как?.. А Офелия?..

Гусев (*машет рукой*). Он и Офелия.

Мальва. Это правда?

Твердохлебов. Увы!

Гусев. Есть такие уроды... Кстати, их оказалось не так уж мало. Короче говоря, в Праге через пару недель открывается европейский фестиваль моноспектаклей. «Гамлетов» целых три штуки. А вообще десятка два названий из пятнадцати стран. Твердохлебов только сейчас узнал, что министерство включило его в заявку вместо кого-то. Я их понимаю. Твердохлебов в этом жанре — номер один. Никто его двухлетнее отсутствие всерьез не принимает. Подумаешь, драка! Творческая командировка. Он у них на особом учете.

Мальва. Всё понятно. Мы остаемся без Гамлета.

Твердохлебов снимает свитер, отдает его Мальве, разводит руками.

Твердохлебов. Спасибо. Не заслужил.

Мальва. А кто будет?.. Извини, Гусев, как постановщик ты гениален, но Гамлетом так и остался — техническим. Может быть, потому, что ждал этого господина... Сдерживал себя?..

Гусев. По разным причинам. А теперь слушай дальше.

Мальва. О, господи...

Гусев. В заявке, в графе «Участники» значится исполнитель плюс режиссер.

Мальва. Странно. Значит, режиссера он еще не аннигилировал?

Гусев. Ну, после фестиваля большой европейский тур. Сама понимаешь... Хоть словом с кем-то перемолвиться надо... Как ты думаешь, что сей господин по факсу вписал в графу «Режиссер»?

Пауза.

Мальва. Чего тут думать... Ежу понятно.

Гусев. Но ведь не все и умные-то поймут.

Мальва. Значит, наш областной... накрылся медным тазом... (*Всхлипывает.*)

Пауза.

Гусев. Могут остаться. Как скажешь, так и будет. Ты ведь у нас знаешь кто...

Мальва. Пошел к черту.

Гусев. Ну, прости. Я и так в долгу перед тобой.

М а л ь в а (утирая слезы). Ой, Гусев, как я за тебя рада...

Пауза.

Г у с е в. Это правда?

М а л ь в а. Да. (Пауза.) Когда ехать?

Г у с е в. Сегодня... Точнее — сейчас. Чтобы успеть с паспортами.

М а л ь в а. О, господи... (Пауза.) Прощаться не будешь?

Г у с е в. Упаси Бог.

М а л ь в а. Не надо. Для нас всё это забава. Верить-не верить. Для тебя — судьба.

Сидят молча.

Г у с е в. Спасибо тебе... (Пауза.) Ну, с Богом! Прикроешь?

М а л ь в а. Прикрою. Сцену сумасшествия можно?

Г у с е в. Можно. Сама не свихнись.

М а л ь в а (в слезах подходит к нему). Гусев... (Жарко целует его.) Я люблю тебя.

Гусев покрывает ее лицо поцелуями. Твердохлебов отходит к балюстраде. Машет Нюше, улыбается. Она отвечает.

Т в е р д о х л е б о в (наигрывая на гитаре).

Не верь, что солнце ясно,

Что звезды — рой огней,

Что правда лгать не властна,

Но верь любви моей...

В нижнем зале кафе.

Разыгрывается пятая сцена четвертого акта (фрагментарно, в том объеме, который необходим режиссеру). Простоволосая и босая Офелия в присутствии королевы и короля обнаруживает свое безумие. Студийцы то подыгрывают ей, то просто подчитывают текст. Незамеченными Гусев и Твердохлебов покидают кафе.

О ф е л и я (заканчивая). Я надеюсь, что всё будет хорошо. Надо быть терпеливыми, но я не могу не плакать, когда подумаю, что они уехали...

Р у д и к (подсказывает с текстом в руке). ...Когда подумаю, что они положили его в холодную землю...

О ф е л и я, ...Когда подумаю, что они уехали, что их больше не будет с нами... (Горько плачет.)

Пауза. Все переглядываются.

Р у д и к. Кого не будет?..

М а л ь в а. Гусева и Твердохлебова.

Р у д и к (после паузы). Пани Бланка, Аптекарь здесь?..

Пани Бланка качает головой. Мальва трясется в рыданиях, утирается.

К о р о л ь. Почему их больше не будет?

М а л ь в а. Подайте мою карету! — Покойной ночи, сударыня; покойной ночи, дорогие сударыни; покойной ночи, покойной ночи. (Королю.) Потому что они уехали в Прагу. (Отходит.)

Слышны шум и свист проходящего поезда.

(Подходит к лежащему на раскладушке Муратову.) Муратов, вставай!

Муратов, проснувшись, садится. Мальва бросает ему свитер.

Пошли домой.

Муратов одевается, собирает раскладушку, идет вслед за Мальвой.

Затемнение.

Действие второе

То же кафе через несколько дней. Здесь мало что поменялось, но внимательный взгляд все же уловит несколько новых деталей. Если раньше за каждым столиком стояло не больше четырех стульев, то теперь за некоторыми, особенно теми, что в стороне, может быть и пять, и шесть. И мужские компании за ними более чем оживленные. Где в карты играют, где в домино, попивая пиво из жестяных банок. Вот и музыка звучит не такая, как прежде. То был Бах, а ныне какое-то разбитое танго. Ну и, наконец, пани Бланка. Если прежде ее лицо светилось добродушным юмором и она готова была подбросить шутку-другую в общую атмосферу веселой озабоченности, то сейчас ее острые взгляды, устремляемые то к одному концу кафе, то к другому, содержат устойчивое выражение тревоги.

У стойки с чашкой кофе сидит М а л ь в а. П а н и Б л а н к а ведет с ней беседу, то удаляясь от нее, то возвращаясь к ней. К Мальве подходит С т у д и е ц в театральном костюме, в маске.

С т у д и е ц. Подгнило что-то в Датском государстве. А?.. В масть?.. (Не дождавшись ответа, отходит.)

Б а р м е н ш а (подходя). Чего он хотел?

М а л ь в а. Да кто ж его знает.

Б а р м е н ш а. Вчера, когда я закрывалась на перерыв, пришла Бошка, дайте, говорит, мне денег в долг, в универмаге есть лайковые перчатки на осенний сезон моего размера. Я ей говорю: так купи мне тоже! Наверное, она занесет, мне хочется посмотреть какие. Может быть, я их надену и уже смогу поехать в гости в Варшаву. А за тем столиком опять пьют пиво из банок. Лучше бы играли в подкидного дурака.

М а л ь в а. Можно делать и то и другое.

Взрыв смеха от многолюдного столика.

Б а р м е н ш а. Ты подойди к ним, намекни, что пиво у нас не пьют. Я им уже говорила, но мне иногда лучше смолчать. (Отходит.)

Входит Аптекарь, направляется к стойке.

Аптекарь (*усаживаясь*). Здравствуйте. Как ваше самочувствие, уважаемые дамы?

Мальва. Вполне... Ничуть не тревожит.

Барменша. Вам покрепче, Самарий Ильич?

Аптекарь. Средний... Да. Уже с порога чувствуешь, как всё изменилось.

Барменша. А что?

Аптекарь. Не передать. Атмосфера. Запах.

Барменша. Увы! К сожалению, пахнет пивом. Скоро будет совсем как в пивной. (*Подходя с чашкой.*) Я решила поставить на диск какую-нибудь успокаивающую музыку... Вот старое аргентинское танго... По-моему, очень душевное. Я правильно сделала?

Аптекарь. Вполне. Но энтропия тем временем накапливается, имейте в виду.

Барменша. А что это?

Аптекарь. Разруха.

Барменша. Даже от танго?

Аптекарь. Даже если будете их манной кашей кормить с абрикосовым вареньем.

Барменша. Скажите, пожалуйста!.. (*Мальве.*) Нет, не ходи. Ты для них раздражитель... Вроде участник заговора...

Многолюдный столик. В параллель — стойка бара.

Из-за столика, за которым сидят Полоний, Горацио, Розенкранц и Гильденстерн, выходят два придворных и начинают танцевать, вернее, тупо топтаться, не отходя далеко от пива.

Барменша. Танцуют... Это полезно?

Аптекарь. В какой-то мере.

Барменша. Я так и подумала.

Аптекарь. Вот видите, а этого в тексте нет.

Барменша. Вы что имеете в виду?

Аптекарь. У господина Шекспира.

Барменша. Ну что ж... Всего не предусмотреть. Хоть он и был гений.

Полоний. Я всё воынил с ответом, а теперь написал: мы приедем! А чего ж. Мы с моей Татьяной вольные люди, молодые пенсионеры отныне... А там, на Селигере, сейчас подлещик клюет!.. Во такие! Туши свет!

Горацио. Так то лещ!

Полоний. Я ж говорю, нет худа без добра.

Розенкранц. Как нет добра без худа.

Горацио. Диалектика!

Полоний. Но вам, студентам, впереди — разгул! Погоди, еще благодарить будете этого, Твердохлебова...

Горацио. Не, ну, скажи, есть же люди!.. Пришел и за один день всё разрушил. Всё ж старались. Плохо ли, хорошо ли, но стара... Скажи, ты старался?

Розенкранц. А то!

Горацио. Ну, так и получалось. А теперь всё куда?..

Розенкранц. В унитаз.

Горацио. Без промаха!

Гильденстерн. А сколько бабла можно было заработать за это время! На одной клубнике в сезон!..

Горацио (*Полонию*). Слышь, пришел и разрушил... Да за такие дела надо морду бить. Хоть он и Гамлет... (*Машет рукой*.) Пани Бланка, всё в ажуре!.. Всё тип-топ.

Полоний. И вот, понимаешь, у них дом у самого озера. В обрез воды... С веранды можно закидывать, не отходя от самовара.

Горацио. Ну что тут скажешь... Надо ехать.

Студиец (*подойдя*). Прогнило что-то в Датском государстве. Разве нет?

Горацио. Иди, иди!.. И так тяжко.

Барменша. Как мне их жалко — все потерять в одну секунду: роль, положение, всё, чем заполнялся день, чем жила душа.

Аптекарь. Мечты. Иллюзии!.. Между прочим, иллюзии, грёзы — очень важная часть человеческого самоощущения.

Барменша. Я вас понимаю. Типа: «Ты меня уважаешь?..»

Аптекарь. Нет. В акте самооценки.

Барменша (*подумав, но не найдя объяснения*). Ай-ай-ай!.. Куда им теперь ходить? Чего ждать?

Аптекарь. А главное — во что верить?.. Это — главное!.. Вы меня понимаете?

Барменша. Я вас понимаю.

Аптекарь. Это глубокий стресс с тяжелыми последствиями...

Барменша. Что вы говорите? Какими?

Аптекарь. А я вам скажу! Депрессиями, фобиями... вплоть до душевного расстройства... Только это между нами...

Барменша. Ах, боже ж ты мой!.. Пусть лучше танцуют...

Звучит музыка. Мальва решительно приближается к столу и, сделав книксен, приглашает на танец Горацио. Тот идет с готовностью. К ним присоединяются и остальные участники застолья. И вот посреди зала живописная группа — два молодых человека в средневековых костюмах, со шпагами, и несколько вполне подвыпивших прощелыг с хорошей телесной пластикой в затрапезных летних одеждах исполняют страстное аргентинское танго группой и соло, а также в паре с молодой обольстительной партнершей — поочередно.

Барменша с Аптекарем аплодируют. Аплодисменты раздаются и с других столиков. Но нет в них веселья.

Мальва возвращается к стойке. Музыка продолжает звучать.

Барменша. Бесподобно! Вы сама грация, Мальва! Дело наладится. А, Самарий Ильич?

Аптекарь. Увы. Всё впереди. Процессы гораздо более глубокие. По-хорошему, им надо было бы не танцевать, а всем вместе пойти в баню, в бассейн, я знаю?

Барменша. Вам виднее, вы медик. Вам и положено быть скептиком. А я вижу в происшедшем и хорошую сторону. Вчера Ольга и Прохор Метелкины плакали тут... Клялись, что никогда больше не оставят ребенка на круглосуточных яслях... Одной слезинкой ребенка меньше будет — это что вам, не результат? (*Смахивает слезу*.)

Аптекарь. Они что-то затеяли...

Компания переносит свой столик на середину, и к нему присоединяется тот, где забивали «козла». Среди них владелец заведения, бывший король. В знак того, что всё в прошлом, он собрал роскошную свою шевелюру в пучок на затылке и схватил резинкой. Он уже неплохо выпил. Пустые банки из-под пива катаются у них под ногами. Никого это не волнует.

Король (*читает по тетрадке с усилием, как выпивший человек*). Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!

Не только тем, что вас мы рады видеть,
Но и нуждою в вас был причинен
Столь спешный вызов, Вам уже известно
Преображенье Гамлета: в нем точно
И внутренний и внешний человек
Не сходен с прежним.

Горацио. Да пошел он!.. (*Машет рукой*). Пани Бланка, всё под контролем! Всё тип-топ!..

Людей прибывает. Выпивки тоже.

Барменша. Пусть двигают.

Рудик (*Мальве, у стойки*). Я думаю, надо что-то сплывающее, какую-то скрепу...

Мальва. Не увлекайся.

Рудик. Нет-нет. (*Направляется к компании.*)

Барменша. Куда он пошел...

Рудик (*с ходу*). Ребята, проводим конкурс! Кто больше помнит афоризмов из Гамлета, время пошло!

Студиец (*тут как тут*). Подгнило что-то в Датском государстве!

Горацио. Нет в Датском королевстве подлеца, который не был бы отпетым плутом. Вот это верно! Как Гусев.

Розенкранц. Слова, слова, слова!..

Пауза.

Рудик. А еще?.. Ну, что, заклинило?

Горацио. Да пошло оно! (*Рвет тетрадь, подбрасывает листы.*) Илло!.. Хо-хо!..

Король. И ты пошел в жопу, шестерка!.. Закладывал нас оптом и в розницу.

Рудик. Никого я не закладывал! (*Поспешно отходит.*)

Король (*рвет тетрадку*). Илло! Хо-хо!..

Все (*подхватывают*). Илло!.. Хо-хо!..

Нюша (*от стойки*). И я не верю!..

Листы летят в воздух и за другими столиками. Кто-то прошел колесом, какой-то атлет идет на руках. Вновь принятая Регина делает «каскад», а затем танцует канкан. Кто-то «степует». Король между тем, пошатываясь и икая, отходит.

Стойка бара.

Аптекарь. Ну, началось.
Барменша. Что ему там надо?

Рудик возвращается.

Рудик. Не срслось.
Барменша. И не ходи!
Рудик. Всё равно надо перехватить инициативу. Гусев это умел. (Мальве.). Мать, давай возьмем всё в свои руки. Пока не разбрелись. Пока не остыло!
Мальва. Что — всё?
Рудик. Студию! Тебя слушают. Я бы мог предложить концепцию..
Мальва. Даже так?
Рудик. А почему нет?
Мальва. И что? В чем фишка?..
Рудик. Фишка в том, что все приклатненные... С хрипотцой, понимаешь?.. Это сегодня канает. Вкрадчивые, скрытно-угрожающие... Вон как сейчас. Всем понравится, вот увидишь.
Мальва. Господи, Рудик!.. Откуда это в тебе? Ты ж не такой.
Рудик. Нет.
Мальва. Ну, тогда походи еще, пострадай..

Общий стол. В параллель — стойка бара.

За столом после очередной выпивки поют, положив друг другу руки на плечи.

Все. Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей...

Куплет повторяют, потом еще раз и так без конца, каждый раз всё жалостливее, пока кто-то не раздражается рыданиями. (Вместо этого может быть исполнена песня «Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет...») Начинается общая истерика: бессмысленные крики, рыдания, пение, декламация, возгласы. А что может быть трагичнее мужских рыданий? Возникает также агрессия, пока неизвестно на кого направленная, но способная вмиг вылиться в драку. Возле стойки плачут барменша, Мальва и Нюша.

Аптекарь. Ну, я пошел..
Барменша. Матка Божка, помоги ему!
Мальва. Куда это?..
Барменша. В пекло! Ему больше всех надо.

Аптекарь подходит к столу, на него не обращают внимания. Он трогает кого-то за рукав и предлагает выпить таблетку. Тот с готовностью пьет и снова возвращается к кутежу. Так аптекарь, оставаясь незамеченным, обходит всех участников разгула и всем дает таблетку, а также глоток воды из припасенной бутылочки, не получая ни одного вопроса: от чего и зачем? Обслужив таким образом всех, аптекарь возвращается к стойке.

Барменша. Самарий Ильич, вы герой. Я так за вас боялась.

Аптекарь (*пожав плечами*). Вполне рутинная процедура. Для этого не нужно быть ни фармацевтом, ни героем.

Однако накал страстей не уменьшается, и теперь всё кафе гудит угрожающе, пока не наступит очередная разрядка.

Барменша. Погодите... Мальва, это не к тебе?

В кафе появляется доцент. Оглядевшись, он направляется к общему столу.

Доцент. Я приветствую честную компанию.

Полоний. Будем здоровы. (*Поводя рукой*). Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, для неопределенных сцен и неограниченных поэм... Для писанных ролей и для свободных — это единственные люди. А вы кто?

Доцент. Арсений Морев. Доцент института.

Розенкранц и Гильденстерн. Это наш учитель. Здравствуйте, Арсений Леопольдович!

Доцент. Мое почтение!

Полоний. Ах, учитель!.. Садитесь, учитель. Дайте выпить господину учителю. Итак, чему учите?

Доцент. Да бросьте вы!.. Сам зашел поучиться. Господин Гусев намерен пригласил подумать о концертной программе... Кстати, он здесь?

Полоний. А где ж ему быть. Гусев!..

Горацио. Гусев! Тут к тебе пришли поучиться... Он научит.

Полоний. Этот научит!..

Горацио. Гусев, ты куда завалился? Может, прикорнул где. У нас бывает. Один давеча раскладушку приволок, в уголке поставил. У него жена тут по прозвищу Офелия. Очень он ее ревнует к нам ко всем. Вот он лежит, значит, один глаз закрыт, а другой жену отслеживает...так и буравит... А сам, что характерно — с ней разведен!

Полоний. А вы по какой части пришли поучиться, позвольте узнать? Концерты давать в каком жанре намерены? Песня, пляска или художественный свист?

Доцент. Как вас, простите, по имени?

Полоний. Можно просто — Полоний.

Доцент. Ах, так? Давайте, господин Полоний, обойдемся без церемоний. Какие концерты?.. Ну, что вы! Есть грех, читаю иногда Пастернака студентам. Вот ваш Гусев услышал... А что же это он не идет?

Полоний. А любит, чтоб хорошо позвали. Вы сами его позовите, может, проймает.

Доцент. Гусев!..

Горацио. Нет, вы по-гусиному. Га-га-га-га!..

Все смеются. Смеется и доцент, но тень беспокойства уже скользнула по его лицу.

Доцент. Ну, хорошо, я пойду. Наведаюсь в другой раз. Передайте ему привет.

Полоний. Нет, без Пастернака вы не уйдете. Не отпустим. Читайте.

Доцент. Вы что, всерьез?

Полоний. Вполне.

Доцент. Так прямо... в принудительном виде.

Полоний. А как мы читаем? Бывает, вовсе не хочется. А ему вынь да положь.

Горацио. Да не по единому разу!

Доцент (*встает*). Ну, с ним разбирайтесь сами. А я человек вольный. Сам решаю.

Резко встают Полоний с Горацио. Тут же поднимаются со своих мест Розенкранц с Гильденстерном. В мгновение всё застолье оказывается на ногах. То же происходит и за стойкой бара. Розенкранц с Гильденстерном делают «шаги наголо» и становятся по обе стороны доцента.

Господа, а в чем дело?

Розенкранц. Арсений Леопольдович, вы под охраной.

От стойки к доценту поспешно подходит Мальва, молча предлагает взять ее под руку.

Мальва. Прошу вас.

Оба поворачивается, чтобы идти к дверям.

Доцент (*Мальве*). Пойдите!.. (*Полонию*.) Вам правда так хочется, чтобы я почитал? Вы любите Пастернака? (*Смеется*.) Извольте. Но в сокращенной редакции, договорились? (*Выходит из-под охраны*.)

Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас предложение,
Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ.
Как жаль ее слёз. Я святого блаженной.

Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен
Вторично родившимся. Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значенье своем подымалась...

В тот день всю тебя от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Когда я упал пред тобой, охватив
Туман этот, лед этот, эту поверхность
(Как ты хороша!) — этот вихрь духоты —
О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут.

Благодарю вас. Польщен. До свидания. (*Кланяется Мальве и стремительно уходит из кафе*.)

Полоний. Ну вот, пожалуйста, припечатал!.. Как трагик в провинции драму Шекспирову...

Горацио. А?.. Какие стихи?..

Пауза. Мальва возвращается к стойке.

Аптекарь (*Мальве, privately*). А вы знаете, у меня сложилось впечатление, что он читал для вас.

Мальва (*холодно*). Все может быть.

Аптекарь. Это было неплохо. (*Отходит.*)

Барменша. Самарий Ильич, это кризис?

Аптекарь. Нет еще, к сожалению! Что я могу поделывать? Вот если бы была драка...

Барменша. Ой, что вы такое говорите!..

Аптекарь. Но это была бы хорошая разрядка. Но раз нет драки — пусть уж они кричат.

Барменша. Это — им. А что вы порекомендуете нам?

Аптекарь. Терпение. Выдержку. И по глотку коньяку.

Барменша. О Мать Божья!.. (*Наливает аптекарю рюмку.*) Я бы сварила для них бульон, если бы знала из чего. Нюша, может быть, ты сходишь на рынок?

Аптекарь. Не морочьте ей голову. Ваш бульон никому не нужен.

Мальва. Что-то они затевают...

Горацио. Где король?

Полоний. А хрен его знает. Дрыхнет где-нибудь.

Горацио. Турниры обычно назначает король.

Полоний. Ну, нет короля, что я могу сделать.

Горацио. Но есть королева!

Полоний. Королева — виват!

Все. Виват!

Горацио. Пани Бланка, побудьте слегка королевой.

Барменша. Так я же дублерша! Настоящая королева — мадам Червонная.

Горацио. Но ее же нет!

Аптекарь. Соглашайтесь.

Барменша. Так. Я согласна.

Полоний. Тут важно сохранить легитимность власти.

Барменша. Что я должна делать?

Горацио. Наденьте мантию.

Барменша одевается и тут же меняется в лице.

Хорошо. Наденьте корону. Отлично! Фанфары! (*Громко.*) Ее величество королева Дании!

Середина зала. В параллель — стойка бара.

Звучат фанфары — настоящие или их имитация — все равно это волнующий ритуал. Королева выходит на середину зала.

Королева (*негромко*). Я должна что-нибудь говорить?

Горацио. Объявляйте турнир.

Королева (*величественно*). Объявляю турнир!

Горацио. На шпагах.

Королева. На шпагах!

Горацио. До первой крови.

Королева. До первой... Что?..

Горацио. Ну, что-что. Есть такой вид турнира — до первой крови. Бьются парами, по жребию. Всё честно, пани Бланка! Ну, что тут такого?

Королева (*гневно*). Я за-пре-щаю! (*Уходит, ворча.*)

Горацио. Ну, нет. Уже объявлено. Да вы не волнуйтесь! Дальше дело не пойдет!.. Только до первой. Ведь так, доблестные рыцари?

Голоса. Та-ак!..

Барменша возвращается за стойку и снимает королевское облачение. Вид у нее негодующий.

Барменша. Во что вы меня втянули? Я не собираюсь быть им прикрытием. Я сейчас же вызываю полицию!

Аптекарь. Ну, погодите!.. Это успеете. Не это сейчас важно.

Барменша. А что важно?

Аптекарь. Подготовиться, чтобы оказать первую помощь.

Барменша. Вы слышите, что он говорит? Вот так всегда мужчины, стоит их только похвалить, назвать героем. Ему мало героизма... Он хочет прославиться!..

В центре зала тем временем устраивается площадка для ристалища.

Горацио. Я предлагаю так. Сначала дерутся обладатели шпаг — Розенкранц и Гильденстерн. Потом пары по жребию. Потом победители пар. Потом победители победителей... Согласны?

Голоса. Согласны!..

В стороне под руководством Полония бросается жребий. Желаящих много, целая очередь.

Барменша (*аптекарю*). Самарий Ильич, пойдите вмешайтесь, может, не поздно еще остановить.

Аптекарь (*раздраженно*). У меня другая профессия, пани Бланка. Я занят своим делом. (*Кипятит воду. Рвет белую ткань на ленты. От кофеварки вздымается пар.*)

Барменша (*негодующе*). Ну, вы посмотрите на него, он занят делом!

Горацио. Участники первого тура, на исходную!

Идет красивая театральная схватка между Розенкранцем и Гильденстерном. Все посетители, а их много, кроме студийцев, охвачены азартом. Раздаются возбужденные возгласы, вскрики, вздохи и — поверх всего, в самых драматичных местах — визг Ньюши. Розенкранц выбивает шпагу у Гильденстерна.

Горацио. Победил Розенкранц! Пара вторая! Передать оружие! Владеть умеете?

Голоса. Умеем!

Вторая пара — кто-то из свиты, те, что танцевали друг с другом танго — тоже проводит бой без происшествий. Но партнер, проигравший схватку и не израсходовавший запасов агрессии, набрасывается со шпагой на ширму и протыкает ее несколько раз.

Горацио (*истошно*). Сто-оп!.. Стой!..

Полоний, догадавшийся о причинах тревоги своего компаньона, тоже кричит. Оба, ни живы ни мертвы, почему-то на цыпочках приближаются к ширме при полном общем молчании.

Полоний. Умереть-уснуть.

Складывают ширму. За ней лежит человек.

Горацио. Это король.

Полоний бросается к нему, прикладывает ухо к груди.

Горацио (*дрожащими губами*). Умереть?.. Уснуть?..

Полоний. Уснуть.

Горацио. Слава богу!.. Мог бы и получше устроиться. (*Обессиленно.*) Турнир окончен.

Голоса. Как окончен?.. А кто победитель?..

Горацио. Победитель король. Слава королю.

Барменша (*перекрестясь*). Слава Королю!.. А то ведь могли проткнуть, как Полония.

Аптекарь. Вот видите? Обошлось...

Барменша. Ну, наконец кончилось это?..

Аптекарь. По-моему, нет.

Барменша. Вы издеваетесь!

Аптекарь. И не думаю.

Барменша (*повышая голос, неизвестно к кому обращаясь*). Нет, вы издеваетесь над людьми! Заманили и бросили! Как вам это понравится?.. Без надежды, без веры! Эй вы, где ваша совесть! Они же верили вам! Они шли за вами, бросив своих детей! А теперь они больше вам не нужны? И куда им? На улицу?..

Аптекарь. Это вы кому?

Барменша (*подумав, всплеснув руками*). А я знаю?..

Мальва. Что ж они за люди такие, что их пальчиком помани, они и поверили?

Барменша. А Эльсинор?

Мальва. Да не было никакого Эльсинора! А если был, так что там хорошего? Кровь, доносы, предательство. Нашли царство справедливости — Датское королевство. Отсохните вы от него! Забудьте!

Барменша. Мальва, вы мне не рассказывайте за Данию! Дания — хорошая цивилизованная страна! Чтоб вы знали, их король спас своих евреев от истребления!

Мальва. Пани Бланка, вы путаете времена!

Барменша (*машет рукой*). Ай!.. Во все времена одна и та же история...

Аптекарь (*Мальве*). А разве вы не поверили в Датское королевство?

Мальва. Нет! Мне не нужно верить. Я сама оттуда.

Барменша (*растерявшись*). Ах, оттуда?.. А мы оттуда! Разве ж человек оттуда может без веры? Без надежды какой-никакой?..

Аптекарь. Ну, вот нам еще не хватает впасть в истерику. Пани Бланка, примите. (*Дает ей таблетку.*)

Барменша. Что это?.. А, один черт. *(Проглатывает лекарство.)*
Аптекарь. Мальва, вы тоже. И вы, Ньюша.

Горацио с Полонием расталкивают короля.

Горацио. Король ты или не король?
Король *(подняв голову)*. Я — король. Клавдий.

Горацио. Первый.

Король. И последний. *(Роняет голову.)*

Горацио. Ну, так командуй! Покажи власть.

Король *(лежа)*. Принести выпивку!

Горацио. А закуску?

Король. И закусь!

Полоний. Слушаюсь, ваше величество! *(Уходит к столу.)*

Горацио *(королю)*. Нет-нет, пойдемте к столу. Так нехорошо, лежа... Не по-королевски. *(Помогает ему подняться.)*

Король поднимается с посторонней помощью. Срывает резинку, распускает волосы, силится вернуть себе осанку. Компания снова усаживается вокруг стола.

Полоний. Пей, король! Тебе сегодня выпал счастливый жребий! Здоровье короля!

Горацио. Король сегодня тешится и кутит,

За здравье пьет и кружит в бурном плясе;

И чуть он опорожнит кубок с рейнским,

Как гром литавр и труб разносит весть

Об этом подвиге. Таков обычай.

Все *(хором)*. Таков обычай!

Едва король опоражнивает стакан, раздается оглушительный гвалт — бьют в подносы, колотят кулаками по столу, звенит посуда, трубят, восклицают, орут. И вдруг — звучат настоящие фанфары, бьют литавры, звонят колокола.

Голоса. Король виват! Виват король! Вива-ат!.. Пей, Дания! Тюрьма народов! Долой тюрьму! Да здравствует король!.. Урр-ра-а!.. За Россию!.. «Спартак» — чемпион! Долой королей!.. Крым — наш!.. Вперед, Россия-а!.. Да здравствует король!..

Аптекарь. Вот это, кажется, уже началось...

Барменша. Тихий ужас!..

Аптекарь. Теперь только терпение!.. И не удивляться ничему!.. Слышите? Так надо!..

Мальва, решительно зайдя за стойку, начинает какую-то деятельность.

В зале колотят в подносы, бросают стулья, пляшут, ходят на руках, делают «каскад» и наконец опрокидывают стол. Кто-то, особенно ловкий, раскачивается на люстре.

И вот тут в центре зала появляется Мальва в подоткнутом платье. Под мышкой у нее швабра, в руках таз с водой. Воду она выплескивает прямо в середину безумствующей компании.

Горацио. Что такое?..
Мальва. Уборка!

Мальва начинает яростную работу шваброй, прямо под ногами безумцев. Следом появляется Нюша тоже со шваброй и ведром воды, которую с треском выплескивает на пол. Вторая швабра тоже начинает бешено двигаться, так что мужчины то и дело подпрыгивают, отскакивают.

Горацио. Черт знает!.. (Отряхивается.)
Мальва. Давай уноси!
Полоний. Так мы же сидим..
Мальва. Уноси, я сказала!..

Полоний, пожав плечами и призвав кого-то на помощь, уносит перевернутый стол. Кто-то из разгульных начинает поднимать банки из-под пива, разодранные тетрадки и бросать их в бумажный мешок. Гулявшие в центре рассаживаются теперь по периферийным столикам, унося с собой свои разрушительные инстинкты и склонность к беспределу, которые в тех безлюдных углах оказываются невостребованными. В середине зала остаются лишь две трудолюбивые миловидные девушки в подоткнутых платьях, что дает возможность желающим любоваться стройностью их ног. Вполне кстати к их ритмичным движениям оказываются звуки старого меланхоличного танго «Мне бесконечно жаль твоих несбывшихся мечтаний», которое пани Бланка вовремя поставила на допотопный проигрыватель, так что иногда даже можно задуматься: работают девушки или танцуют.

В какой-то момент, когда все успокоились и забрезжила утраченная было свойственная этому месту гармония, дверь с улицы отворилась и в кафе вошел Гусев. Вошел как-то буднично, по-деловому, ни на что не отвлекаясь, как служащий, который приходит перекусить в обеденный перерыв. Он проследовал к стойке бара, где и уселся на высокий табурет спиной к залу. Пани Бланка как ни в чем не бывало поставила перед ним чашку кофе и что-то еще в стакане.

Какое-то время в кафе всё оставалось как было, но вот музыка внезапно оборвалась, и возле дверей появились Горацио и Полоний, беседуя на ходу.

У двери.

Полоний. Так вы не видели его лица?
Горацио. Нет, как же, он шел, подняв забрало.
Полоний. Что, он смотрел угрюмо?
Горацио. В лице была скорей печаль, чем гнев.
Полоний. И бледен иль багров?
Горацио. Нет, очень бледен.
Полоний. И смотрел на вас?
Горацио. Да, пристально.
Полоний. И ни раскаяния, ни стыда..
Горацио. Ни тени.
Полоний. Жаль, что я не был там. Меня б забрало. Я б дал по этому забрало.

Продолжая беседовать, уходят на свои места. Мальва и Нюша также присели за чьи-то столики в глубине зала, так что середина его, вымытая, темная от воды, осталась совершенно свободной.

У стойки бара.

Трудно сказать, что происходит в зрительном зале, когда на всем пространстве сцены царит тишина. Все будто застыли, как восковые персоны: студийцы за дальними столиками, где-то среди них Мальва и Ньюша, у себя за стойкой пани Бланка и вроде бы ни к чему не причастный аптекарь Самарий Ильич. И как центр композиции, сутулой спиной к залу режиссер Гусев, от которого и исходит напавшее на всех физическое оцепенение, гнетущая тишина и даже душевная тяжесть. Может, все кончилось и зрителям пора хлопнуть? Нет. Все ждут, что будет дальше.

А дальше вот что. Из какого-то источника рядом с Гусевым возникают ломкие, как бы стеклянные, знакомые нам по таинству медитации звуки. Звуки эти какое-то время россыпью висят в воздухе как бы без цели и без причины, никем не узнанные и не востребованные, просто сами по себе. И тогда поверх них начинается звучать прихотливая, как будто вовсе не управляемая мелодия кларнета. Но вот в середине пространства появляется Мальва в черном трико и отпускает свое тело следовать этой музыке и еще какому-то тайному чувству, проснувшемуся в ней от этих звуков. Постепенно рядом с Мальвой возникают другие фигуры, и наконец пространство сцены привычно заполняется студийцами. Идет ритуал медитации, якобы завещанной театру Станиславским.

Гусев так и сидит отрешенно, ко всему спиной, сутулясь.

И вот в притихшей музыке возникает голос Джона Гилгуда с классическим монологом. Некоторое время все слушают. А потом не спеша к залу на вертящемся стуле оборачивается Гусев. Он в черной маске. Никто и не удивляется. Лишь Ньюша подбегает к нему, делая радостное открытие.

Н ю ш а . Умереть-уснуть. Это же Гусев! Ему стыдно. Он покраснел! (Осторожно снимает с Гусева маску.) Ой, посмотрите на него, он плачет... А почему-то я ему верю...

Хаотические движения индивидуальной медитации превращаются в общий ритмичный танец, почти «Болеро», исполняемый всеми с удовольствием и рвением, как в бродвейских мюзиклах.. Может быть, голос Гилгуда звучит над этим, может быть, Прелюдия Баха. Но что-то очень большое и важное в жизни людей, что рождает надежду и веру.

Занавес.